

И. А. БРОДСКИЙ

100 И 1 ЦИТАТА

Иосиф Бродский, последний классик XX века, связавший Серебряный век русской культуры с современным поколением нулевых, как-то сказал в одном из интервью: «Если бы я начал создавать какую бы то ни было теологию, я думаю, это была бы теология языка». Он был убежден в его первостепенной важности, и поэзия была для него высшей степенью эволюции человека. Своим творчеством он воплощал в жизнь эту теологию, делал ее наглядной.

«ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ
УВЛЕКАТЕЛЬНЕЙ,
ЧЕМ НЕВОЗМОЖНОЕ»

«ПОЭТ –
ОРУДИЕ
В РУКАХ ЯЗЫКА»

«А ЖИТЬ ВООБЩЕ –
СТРАШНО. ВЫ ЗАМЕТИЛИ,
ЧЕМ ВСЕ ЭТО КОНЧАЕТСЯ?»

ПРОСПЕКТ

Бродский И. А.: 100 и 1 цитата

«Прспект»

Бродский И. А.: 100 и 1 цитата / «Проспект»,

ISBN 978-5-39-223374-8

Иосиф Бродский, последний классик XX века, связавший Серебряный век русской культуры с современным поколением нулевых, как-то сказал в одном из интервью: «Если бы я начал создавать какую бы то ни было теологию, я думаю, это была бы теология языка». Он был убежден в его первостепенной важности и поэзия была для него высшей ступенью эволюции человека.

Своим творчеством он воплощал в жизнь эту теологию, делал ее наглядной. Нам показалось интересным создать некую антологию высказываний Иосифа Бродского на темы языка, времени, поэзии и культуры в целом. Данная работа не претендует на алфавитное собрание цитат, от «а» до «я» и на все случаи жизни, — она ограничена своим названием и количеством существующих интервью с Иосифом Бродским, — но тем не менее она представляет некую логическую последовательность откровений, определяющих уникальное мировоззрение этого человека: Поэта, боготворящего свой Язык.

ISBN 978-5-39-223374-8

© Проспект

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Составитель П. И. Михайлов
И. А. БРОДСКИЙ
100 и 1 цитата

ebooks@prospekt.org

ВВЕДЕНИЕ

Иосифу Бродскому вообще не были близки проповеди, цитаты. Изложение своих мыслей он начинал чаще со слов «я думаю, что» или «если уж вы спрашиваете меня». У него были свои взгляды, часто сформулированные в двух-трех фразах, которые он повторял в течение всей жизни. Это, во-первых, следствие того, что ему задавали одни и те же вопросы, а во-вторых, и это важнее, он никогда не изменял своего мнения по основным для него понятиям. Понятия эти – язык, время, пространство, поэзия. В течение жизни он был как бы интервьюером самого себя, более спрашивающим, нежели отвечающим. И поэтому ответы его, которые мы приводим здесь как цитаты, в большей степени сами являются комментариями к чему-то большему, к тому знанию о природе языка, времени, пространства, которое узнал Бродский, а через него – сейчас – мы.

Глава 1

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ

«Я привык к одной простой вещи —

всю жизнь жить на отшибе,

на краю прихода, стоять

как бы сильно в стороне, то есть

в лучшем случае комментировать: происходящее и не происходящее.

Как бы благородный наблюдатель;

может быть, даже неблагородный,

но наблюдатель».

Можно сказать, что цитата – это сжатый до одной фразы комментарий, выражающий в словах некое ощущение объективной истины, некая догадка о сокровенном. Туда направлен вектор нашего познания. Но чем дальше от конечной точки, тем более цитата обрастает своими собственными комментариями, трактовками, толкованием. И в этом случае мы, естественно, не берем на себя смелость комментировать Бродского. Во-первых, потому, что мы такие же спрашивающие, а во-вторых, он сам всегда расшифровывал свои мысли. Вообще, положение комментария на полях, примечания, сноски было ему более близко, нежели прямое самоуверенное утверждение: **«Я привык к одной простой вещи – всю жизнь жить на отшибе, на краю прихода, стоять как бы сильно в стороне, то есть в лучшем случае комментировать: происходящее и не происходящее. Как бы благородный наблюдатель; может быть, даже неблагородный, но наблюдатель».**

«В конце концов,

мои сочинения, моя жизнь —

это мое Евангелие».

В подготовке этой работы были использованы разнообразные интервью Иосифа Бродского, которые ему так или иначе приходилось давать в течение своей жизни после эмиграции в США в 1972 году. За пределами были оставлены его эссе и стихотворения, ибо в них, по большому счету, расшифровывалось то, что говорилось и чувствовалось в жизни. То есть его произведения так же являются своеобразным комментарием к сокровенному: **«В конце концов, мои сочинения, моя жизнь – это мое Евангелие».**

«Если бы я начал создавать

какую бы то ни было теологию,

я думаю, это была бы теология

языка. Именно в этом смысле

слово для меня – это нечто

священное».

Но цель наша – не собрание сочинений опубликовать, а всего лишь сто и одну цитату, правда, и озаглавленную довольно громко: «Теология языка», но с другой стороны, он как-то сказал: **«Если бы я начал создавать какую бы то ни было теологию, я думаю, это была бы теология языка. Именно в этом смысле слово для меня – это нечто священное».**

«Что может быть увлекательней,

чем невозможное».

Мы решили ухватиться за эту идею и представить, как это могло бы выглядеть. Ведь **«что может быть увлекательней, чем невозможное».**

«Если все обвинения верны,

я должен получить высшую меру наказания; если же нет,

должен быть освобожден».

Мы не можем утверждать, что эта идея будет реализована без помарок, и конечно у нас будут причины сказать: **«Если все обвинения верны, я должен получить высшую меру наказания; если же нет, должен быть освобожден»**, – но мы пойдем вслед за Бродским до конца, потому что «главное – это величие замысла».

«Главное – это величие замысла».

Но мы пойдем вслед за Бродским до конца, потому что **«главное – это величие замысла».**

По возможности, комментарии к цитатам будут авторскими и взятыми из того же интервью, что и цитата.

Иосиф Бродский: Самое основное при переводе – сохранить строй оригинала. Если он обладает определенным размером и рифмовым созвучием, переводчик должен попытаться передать их, пусть это даже будет выглядеть банально. В лучшем случае при переводе передается 85 процентов оригинала. Порой можно достичь большей точности, но в действительности никогда не удастся целиком воспроизвести произведение на другом языке. Ставишь себе невозможную цель и развлекаешься этим, если можешь. Ведь такое занятие интересно само по себе, поскольку изначально перед тобой заведомо невыполнимая задача, а что может быть увлекательней, чем невозможное.

«Ничего в жизни не надо

очень уж хотеть».

Наша невозможная цель – проследить эволюцию отношения Иосифа Бродского к языку, к осознанию этого понятия и выписать из тех интервью, что мы имеем, некую историю погружения, как бы обратный процесс – от самых дальних кругов по воде до плеска упавшего в нее камня. И в этом плане нельзя не согласиться с ним: «Ничего в жизни не надо очень уж хотеть». Особенно зная, по какому поводу он это сказал: «... в моем отношении к Пастернаку множество нюансов. Ахматова, например, говорила, что он очень хотел получить эту премию. Знаешь, я думаю, **ничего в жизни не надо очень уж хотеть**. Борис Леонидович был весьма странным существом. Могу вообразить, в сколь сложную попал он ситуацию. Все страшно запуталось, в основном по причинам личного характера. Я думаю, с ним произошло что-то очень грустное».

«Мы говорим

с разных концов жизни».

Поэтому мы создаем эту работу, с одной стороны, веря в величие замысла, а с другой, зная, что совершенство недостижимо и всегда можно сделать лучше, да и вообще, все равно нас в чем-нибудь обвинят, как бы хорошо и по-честному мы это ни сделали. Поэтому, начиная вслед за Бродским свое движение, мы будем стараться сделать это более-менее честно, трезво, по-простому осознавая, что «мы говорим с разных концов жизни» – и не только с Бродским, но и с каждым человеком, кто нас окружает: «...я привык думать, что между мной и моими студентами существует какая-то связь на основе возраста, но в феврале я вошел в класс, увидел их лица, ужасно молодые, и понял, что теперь это настоящее преподавание. **Мы говорим с разных концов жизни.** У меня такое чувство, что до тридцати трех – тридцати четырех лет я помнил свою жизнь до мельчайших подробностей. Я мог вспомнить, на какой стороне раскрытой книги прочел то или иное предложение. А теперь я редко помню, что происходило утром. Это странно, но, с другой стороны, вне зависимости от того, что со мной происходит, это правда».

«Чувство перспективы

есть мать иронии.

Или – чувство трезвости».

То есть вне зависимости от того, что будет происходить с вами в то время, как вы будете читать эту книгу, в то время, пока она будет стоять у вас на полке, в ожидании любознательных детских пальцев, мы здесь и сейчас будем стараться относиться трезво к нашей идее, или, внимая следующей цитате, без ложного пафоса: «**Чувство перспективы есть мать иронии. Или – чувство трезвости**».

Комментарием же к данным словам будет диалог, случившийся ранее:

Анн-Мари Брамм: Однажды на занятии вы сказали, что к иронии прибегают из трусости. Необходимо смотреть на вещи прямо. Не могли бы вы пояснить?

Иосиф Бродский: Это верно. Ирония – вещь обманчивая. Когда с насмешкой или иронией говоришь о ситуации, в которой находишься, то кажется, что не поддаешься обстоятельствам. Но это не так. Ирония не дает уйти от проблемы или подняться над ней. Она продолжает удерживать нас в тех же рамках. Хоть и отпускаешь шуточки по поводу чего-либо отвратительного, все равно продолжаешь оставаться его пленником. И это одно из опасных заблуждений. Это не означает преодоления. Невозможно преодолеть что-либо с помощью иронии. Если действительно хочешь преодолеть что-нибудь, нужен другой способ. Если видишь проблему, надо с ней бороться. Одной лишь иронией никогда не победишь. Ирония – порождение психологического уровня сознания. Есть разные уровни: биологический, политический, философский, религиозный, трансцендентный. Жизнь – трагическая штука, так что иронии тут недостаточно.

Анн-Мари Брамм: Вы считаете, что надо прямо смотреть на вещи. Возможно, поэтому вам нравится сюжетно-повествовательная поэзия?

Иосиф Бродский: Да, верно. Разумеется, можно прибегнуть к иронии. Но нельзя руководствоваться ею в общем подходе. Повествовательная поэзия дает представление о масштабе вещей. Она гораздо ближе к жизни, чем короткое лирическое стихотворение. Хорошая поэзия имитирует жизнь. Надо привыкнуть читать сюжетную поэзию, пусть это и не прекрасный маленький шедевр, который можно прочесть быстро и легко. Чтение поэзии – это борьба, как и все в жизни.

Как вы, наверно, уже успели заметить, приводимые цитаты и комментарии не выстраиваются в хронологическом порядке. В первую очередь это обусловлено стремлением авторов представить философию Бродского не линейно, а цельно, объемно, а это можно сделать только по принципу глобуса – раскрутить и остановить в произвольной точке. И так до тех пор, пока

вся карта не будет изучена. Об этом же говорит сам Бродский в интервью «Гений в изгнании» Энн Лотербах в журнале «Vogue», февраль 1988 года: «В некотором смысле, поэтическая книга – это противоречие в терминах. Потому что в голове поэта ее не существует. Она существует в голове читателя. Это всегда работа в развитии, отбор. Я когда-то объяснял студентам, что поэт в чем-то Геракл. И стихи его подвиги. Невозможно понять, что такое Геракл, по одному подвигу, двум или трем. Ведь Геракл – это все двенадцать!» Или в интервью «Я без ума от английского языка» Тому Витале, журнал «Ontario Review», № 23, осень – зима 1985–1986 годов: «Тем не менее когда вам нравится кто-то, то он вам весь нравится просто потому, что каждый поэт помимо всего, по сути, это миф. И поэт, когда он пишет стихи, просто совершает подвиги, как Геракл с его двенадцатью подвигами. Важна цельность».

Единственно хотелось бы уточнить, что раскручивание нашего глобуса происходит все-таки не бездумно, а по некоторому принципу, а именно: все, что имеет отношение к человеку и языку.

«Человек представляет

только самого себя,

свои восторги и страхи,

свой уникальный опыт».

Итак, мы представляем вам в первую очередь человека, имевшего дар слышать гул языка. Мы не можем говорить о нем иначе, как о человеке, ибо **«человек представляет только самого себя, свои восторги и страхи, свой уникальный опыт».**

И можем приводить только его комментарии:

«...Вообще в этой идее представительства есть нечто чрезвычайно диковатое. Никто никого нигде не представляет, тем более – писатель, тем более – поэт. Максимум, что поэт может “представлять”, – это язык: но и это – натяжка. Человек представляет только самого себя, свои восторги и страхи, свой уникальный опыт, если таковой имеется. В более общем смысле – видовой потенциал сапиенса: духовный, психический, интеллектуальный, нравственный, безнравственный. В конечном счете тем, что поэт этот или писатель к существующим представлениям о видовом потенциале добавляет, и измеряется его достоинство. Литература есть, по существу, история вида, диктуемая не столько опытом, сколько языком».

Мы говорим о человеке, уже совершившем свои 12 подвигов, и мы имеем возможность говорить о цельности. Правда, сейчас пока что в сознании русских людей жизнь Бродского делится на «Ленинградский период до 72-го года» и «Американский после 72-го года». Причем, по совершенно непонятным причинам, предпочтение отдается советскому периоду. И в этом кроется какое-то неоправданное узурпаторство, потому что русский человек до сих пор имел размытые представления об эмиграционной жизни Бродского. И только сейчас, с выходом книги Элендеи Проффер «Бродский среди нас», все немного встает на свои места. И становится понятно, что этот человек, скорее всего, либо принадлежит всем, либо, что больше похоже на правду, не принадлежит никому.

«На протяжении человеческой жизни

на вас действуют две силы,

две гравитации – одна, которая

вас тянет к земле, к дому,

к друзьям, к любви; и другая,

которая вас как бы немножечко

вовне вытаскивает».

Комментарий:

Амаяда Айзпуриете: Я поняла по вашим эссе, что это попытки западному читателю объяснить, приблизить русских поэтов, исходя из их биографий. А как вы считаете, что необходимо знать из вашей биографии читателю в России, чтобы вас понять? Кроме того, что у всех на виду. Кроме эмиграции, Нобелевской премии?

Иосиф Бродский: Понятия не имею. Никаких биографических фактов и тайн не было. За исключением того, что, когда мне было двадцать два или двадцать три года, у меня появилось ощущение, что в меня вселилось нечто иное. И что меня, собственно, не интересует окружение. Что все это – в лучшем случае трамплин. То место, откуда надо уходить. Все то, что произошло, все эти “бенцы”, разрывы с людьми, со страной. Это все, при всей мелодраматичности этих средств – а в жизни других нет, – это всего лишь иллюстрация такой тенденции ко все большей и большей автономии, которую можно даже сравнить с автономией если и не небесного тела, то, во всяком случае, космического снаряда. **На протяжении человеческой жизни на вас действуют две силы, две гравитации – одна, которая вас тянет к земле, к дому, к друзьям, к любви; и другая, которая вас как бы немножечко вовне вытаскивает.** И так со мной случилось, а может, и не случилось, может быть, за всем этим есть определенная логика, и я думаю, что даже больше чем логика, что на самом деле меня действительно испытывает страсть к разрывам, даже не страсть к разрывам, а тяга вовне, из дому. Не получалось, не получалось, десять лет ничего не получалось, десять лет я осаждал крепость. Каждый день я уходил из этой квартиры, из этого дома, ну почему не получалось? И вдруг – я помню, спускался по лестнице, и вдруг подумал: а может быть, и не должно было получиться? Этому себе обычно не позволяешь – таких вещей говорить, всегда считаешь себя виновным во всем. Меня в действительности всегда в сильной степени тянуло вовне, не в другое место, не так, скажем, как в другую квартиру, другую кровать, а просто, в некотором роде, в бесконечность. И поскольку я стишки сочиняю, то пытаюсь эту самую бесконечность некоторым образом продемонстрировать. Рано или поздно наступает момент, когда на вас земное притяжение перестает действовать, когда вы оказываетесь во власти тяготения вовне. И тогда уже вернуться никак невозможно. Можно – только для того, чтобы вместе сфотографироваться.

«Задача человека прежде всего в том,

чтобы понять, что он такое.

Первый его заданный себе самому вопрос должен касаться не того, американец он, итальянец, швед, швейцарец или японец;

не того, верит ли он в Бога и какой философии придерживается.

Вопрос таков: труслив я или, может быть, храбр, честен или бесчестен я с людьми, как я обхожусь с противоположным полом? Он должен определиться в более точных категориях – категории, соотносящиеся с религией, нацией, культурой, довольно расплывчаты. Ничто не поможет ему определить себя лучше,

чем собственный язык».

Глава 2 ТЕОЛОГИЯ

«Язык сам по себе есть вера.

“В начале было слово”, – помните?

Отсюда все начинается.

Кроме того, говоря

о метафизическом измерении,

надо понимать, что язык

дает нам первое ощущение

бесконечности».

«Поэт – орудие в руках языка».

«Язык, который нам дан,

он таков, что мы оказываемся

в положении детей, получивших дар.

Дар, как правило, всегда меньше

дарителя, и это указывает

нам на природу языка...

Самое святое, что у нас есть, —

это, может быть, не наши иконы,

и даже не наша история —

это наш язык».

«Язык порождает поэтов,

а не поэты порождают язык».

Арина Гинзбург: А есть ли у русской поэзии будущее?

Иосиф Бродский: Ну, естественно, есть. Это будущее есть не столько у русской поэзии, сколько у языка. Это такой язык, что, что бы ни творилось в стране, поэзия всегда из своих недр выдаст что-нибудь замечательное. Это **язык порождает поэтов, а не поэты порождают язык**. И когда вы хвалите того или иного поэта, вы более или менее не там расставляете акценты. На самом деле не язык является орудием поэта или писателя, а ровно наоборот —

поэт есть орудие языка. И, имея такой язык, как русский, мы должны понимать: поэзия неизбежна. И пока существует этот язык, будет происходить нечто замечательное. Время от времени, пока этот язык не начнет умирать своей естественной или противоестественной смертью. Ведь языки более или менее конечны, как и все на земле. Но язык старше нас, и он нас всех переживает. И вот, поскольку эта перспектива существует, существует и замечательная перспектива у русской поэзии.

«На самом же деле выживает

только то, что производит

улучшение не в обществе,

но в языке».

Иосиф Бродский:...Писатель, как ни странно, пишет не для публики. Даже самые из них, как бы сказать, «публичные», которые занимались непосредственно животрепещущими, злободневными проблемами, – даже они писали не потому, что хотели высказаться перед публикой, – это был только внешний повод для их деятельности. **На самом же деле выживает только то, что производит улучшение не в обществе, но в языке.**

«Поэзия существует всюду,

где развивается язык. И империи – и греческую, и римскую —

сохраняли не легионы, а язык.

Великий греческий язык

и великий латинский».

Иосиф Бродский:...Существует реальность языка. Все эти государства Малой Азии периода эллинизма существовали, на мой взгляд, именно потому, что греческий язык был для них предметом зависти, и они стремились вписаться в него. О том свидетельствует и тот факт, что римляне, главным образом в три первых столетия существования своей империи, просвещенные римляне стремились писать на греческом. Так обстояло дело.

«Падение языка влечет

за собой падение человека».

«Единственный тет-а-тет, который есть у литератора, а тем более у поэта,

это – тет-а-тет с его языком,

с тем, как он этот язык слышит.

Диктат языка – это и есть то, что в просторечии именуется диктатом Музы, на самом деле это не Муза диктует вам, а язык, который существует у вас на определенном уровне

помимо вашей воли».

Джон Глэд: Вы чувствуете какой-нибудь разрыв с аудиторией?

Иосиф Бродский: Контакта с аудиторией, как правило, вообще не бывает; то, что воспринимается как контакт, – это ощущение в достаточной степени фиктивное. Даже когда непосредственный контакт существует, люди всегда слышат, или читают, или вычитывают в том, что

вы сочиняете, нечто исключительно свое. Контактom это не назовешь, потому что и поведение и отношение людей к произведениям литературы или, скажем, к факту присутствия писателя на сцене или на кафедре – оно всегда в достаточной степени идиосинкратично: каждый человек воспринимает то, что он видит, сквозь свою абсолютно уникальную призму. Но когда мы говорим о контакте, то мы имеем в виду нечто менее сложное, чем то, о чем я сейчас говорю. Речь идет о реакции читательской среды, которую автор может заметить, интерпретировать и повести себя каким-то определенным образом в соответствии с этой реакцией... Безусловно, существует чисто физическое отсутствие подобной связи, подобного контакта. Но, по правде сказать, меня этот контакт никогда особенно не интересовал, потому что все творческие процессы существуют сами по себе, их цель – не аудитория и не немедленная реакция, не контакт с публикой. Это скорее (особенно в литературе!) – продукт языка и ваших собственных эстетических категорий, продукт того, чему язык вас научил. Что касается реакции аудитории и публики, то, конечно, приятнее, когда вам аплодируют, чем когда вас освистывают, но я думаю, что в обоих случаях эта реакция неадекватна, и считаться с ней или, скажем, горевать по поводу ее отсутствия бессмысленно. У Александра Сергеевича есть такая фраза: «Ты, царь, живи один, дорогою свободной иди, куда ведет тебя свободный ум». В общем, при всей ее романтической дикции, в этой фразе колоссальное здоровое зерно. Действительно, в конечном счете ты сам по себе, **единственный тет-а-тет, который есть у литератора, а тем более у поэта. Это – тет-а-тет с его языком, с тем, как он этот язык слышит. Диктат языка – это и есть то, что в просторечии именуется диктатом Музы, на самом деле это не Муза диктует вам, а язык, который существует у вас на определенном уровне помимо вашей воли.**

«Поэзия требует декламации.

И то, как ты декламируешь,

не столько результат, скажем, аудитории, которая перед тобой, сколько самого стихотворения, его музыки.

Зачастую стихотворение,

сама просодия в достаточной

степени публична. Поэтому она порождает совершенно

определенную манеру чтения».

Иосиф Бродский:... Речь идет о поэзии и о ее собственных требованиях. **Она требует декламации. И то, как ты декламируешь, не столько результат, скажем, аудитории, которая перед тобой, сколько самого стихотворения, его музыки. Зачастую стихотворение, сама просодия в достаточной степени публична. Поэтому она порождает совершенно определенную манеру чтения.** Как правило, чем сложнее стихотворение стилистически, тем больше желание автора, который его читает, донести до читателя или до аудитории все его стилистические нюансы, поэтому ему приходится подчеркивать очень многое. Подчеркивать можно, естественно, только повышением или понижением голоса, других возможностей нет. Но автор более утонченный – он не подчеркивает ничего. Он произносит все довольно громко, но с колоссальной монотонностью.

«Не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее».

Иосиф Бродский: Как я пишу? Я просто не знаю. Я думаю, что стихотворение начинается с некоего шума, гула, если угодно, у которого есть свой психологический оттенок. То есть в

нем звучит как бы если не мысль, то, по крайней мере, некоторое отношение к вещам. И когда вы пишете, вы стараетесь на бумаге к этому гулу более или менее приблизиться, в известной степени рациональным образом. Кроме того, я думаю, что **не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее**. Поэтому главная задача, которая, наверное, стоит перед автором, – это не повторяться; для меня каждый раз, когда этот гул начинает звучать, он звучит несколько по-новому...

«Мне действительно помогло

начать писать стихи

определенное представление

о гармонии, о звуке.

Я называю это гулом,

который звучит в голове.

Гул – это голос языка».

«Стихотворение —

это лингвистическое событие».

«Это не мои слова,

это просто слова языка,

размещенные в наиболее

эффективной

последовательности».

«Моя работа по большому счету есть работа во славу Бога».

Иосиф Бродский:...я позволю себе процитировать Одена, который сказал как-то в разговоре – а я запомнил, – что Иоганну Себастьяну Баху жутко повезло, поскольку в тот момент, когда он хотел молиться Всевышнему, он просто сел и писал ему прямым текстом. В наше время для этого требуется косвенная речь. Косвенная речь нужна для перевода на язык реальности, но для этого вам все равно нужно держать в голове – и здесь я опять использую это слово – общий вектор, направление. Если ваш вектор смотрит в нужную сторону, успех вам гарантирован. Глупо, конечно, писать еще одну «Божественную комедию», но тут уже ничего не поделаешь. У меня есть твердое убеждение, даже не убеждение, а... В общем, мне кажется, что **моя работа по большому счету есть работа во славу Бога**. Я не уверен, что Он обращает на нее внимание... что я Ему любопытен... но моя работа, по крайней мере, направлена не против Него. Не важно, что я там провозглашаю и насколько это Ему по душе. Главное, каким образом ты пытаешься понравиться Всевышнему и как ты считаешь свои возможности. Я думаю, именно это нам зачтется, и пусть меня изжарят на сковороде, но я уверен, что наша работа в наших областях куда больше значит, чем стандартная набожность. Однажды у меня состоялся любопытный разговор с Тони Хектом, это было в Миддлбери. Хотя нет, не в Миддлбери, а в Гриббле. Не важно. Так вот, мы ночевали в одном номере, и он сказал: «Не

кажется ли вам, Иосиф, что наш труд – это в конечном итоге элементарное желание толковать Библию?» Вот и все. И я с ним согласен. В конечном итоге так оно и есть.

«Поэт – чрезвычайно сгущенное содержание».

Иосиф Бродский:... Это объясняется известной гладкописью, но главным образом, я полагаю, это объясняется музыкальностью. Я просто пытаюсь объяснить техническую сторону успеха Пушкина как поэта и вообще успеха всей этой школы. Разумеется, когда мы говорим о поэтах, о поэзии, о чисто технической стороне говорить бессмысленно, потому что она сама по себе как бы не существует. Речь идет о содержании в первую очередь. **Поэт – чрезвычайно сгущенное содержание.**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.